

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

ЗАЧѢМЪ ИНЫЕ ЛЮДИ ЖЕНЯТСЯ.

КОМЕДІА СЪ КУПЛЕТАМИ. ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

СОЧИНЕНІЕ

П. И. ГРИГОРЬЕВА I.

Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ
театрѣ, 30-го ноября 1853 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ИВАНЪ МАРТЫНОВИЧЪ ДУШЛЯКОВЪ.

г-нъ Мартыновъ 1.

МАРТЫНЪ ИВАНОВИЧЪ БУРСАКОВЪ,

г-нъ Марковецкій.

ПЕРЕПЕТУЯ АНДРЕЕВНА, жена Душлякова, 30 лѣтъ,

г-жа Липская.

ВЛАДИМИРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПУШИНСКІЙ, писатель, путеше-
ствующій по Россіи,

г-нъ Григорьевъ 1.

ГОРНИЧНАЯ ДУШЛЯКОВЫХЪ.

г-жа Шелихова.

(Дѣйствіе происходитъ въ собственномъ домѣ Душлякова, въ Гончарной улицѣ).

(Театръ представляетъ небольшую залу въ деревянномъ домѣ. Мебель краснаго дерева въ чухлахъ. Три двери).

У Т Р О.

I.

ГОРНИЧНАЯ входитъ съ подносомъ и чашками, говорить вполголоса сама съ собою.

Ну, вотъ, кофій давно готовъ... однако ни баринъ, ни барыня не выходятъ... (*подсматриваетъ въ двери направо и налево*). Видно опять съ утра разбранились... эко, подумаешь, житье горемычное! Отчего-бы, кажется, имъ не жить пригѣваючи? Да, будь-ка у меня и свой домъ, и свой сожитель, и своя лошадь, такъ я бы, кажется, какъ сыръ въ маслѣ купалась! А вотъ имъ такъ все не по нраву пришлось... она дуется на него, а онъ пыхтитъ на нее, а я, грѣшная, терпи часто въ чужомъ пиру похмѣлье.

Эхъ, будь-ка я мужчиною,
Чудесно-бъ зажила:
Я въ мѣсяцъ трехъ съ полтиною
Никакъ-бы не взяла!
Хотятъ, чтобы поспѣла я
Повсюду и во всемъ,
Мечусь, какъ угорѣлая,
Одна на цѣлый домъ!
Все съ шумомъ да съ исторіей,
Зато, во весь денекъ
Я кофейку съ цинкоріей
Напьюся разъ пятокъ!

(*У входа раздается звонокъ*).

ГОРНИЧНАЯ. Ахти! кто-то звонить у подъезда... а баринъ еще не выходитъ... онъ раньше десяти часовъ никого не принимаетъ... Все-таки нельзя не отворить. (*Блѣжитъ къ главному выходу и, отворивъ стеклянную дверь, ведущую въ переднюю, отпираетъ дверь подъезда*). Кто тамъ?

II.

ГОРНИЧНАЯ и **В. А. ПУШИНСКІЙ**, въ пальто, въ фуражкѣ, въ галошахъ и съ зонтикомъ.

ПУШИНСКІЙ. Я, матушка, я... Здравствуй! (*снимая въ передней галоши*). Тебѣ, я вижу, хочется спросить, кто я? Сейчасъ скажу, голубушка, только дай немного вздохнуть, опомнись отъ новыхъ неожиданныхъ впечатлѣній... (*садится, потомъ вдругъ вскакиваетъ, говоря самъ съ собою*). Да что жъ это? Неужели я опять пріѣхалъ въ Петербургъ? я внѣ себя! я просто пораженъ! Что за чудныя зданія, улицы, прелесть! глаза разбѣгаются... Восемь лѣтъ только я не былъ здѣсь, и многихъ мѣстъ рѣшительно не узнаю... чудный, оригинальный городъ! (*горничной*). А, неправда-ли? Есть отчего съ ума сойти?

ГОРНИЧНАЯ. Не можемъ знать-съ... Вы, сударь, позвольте, что за человекъ? Что вамъ угодно-съ?

ПУШИНСКІЙ. Я, матушка, чисто русскій человекъ, хоть одѣтъ чортъ знаетъ по-каковски. Что мнѣ угодно? а вотъ что: у васъ на воротахъ я прочелъ что «отдаются три комнаты въ мезоннѣ за весьма умѣренную цѣну, спросить у хозяина дома.» А я всегда и за все люблю платить умѣренныя цѣны, такъ нельзя-ли мнѣ взглянуть на твоего хозяина, посмотрѣть, что за комнаты, и узнать, до какой цифры доходитъ ваша умѣренная цѣна?

ГОРНИЧНАЯ. Извините-съ... хозяина теперь никакъ нельзя видѣть.

ПУШИНСКІЙ. Какъ? отчего же?

ГОРНИЧНАЯ. Они раньше десяти часовъ никого не принимаютъ.

ПУШИНСКІЙ. А! значить онъ важный баринъ? аристократъ?

ГОРНИЧНАЯ. На счетъ этого-съ я не могу васъ завѣрить-съ... онъ баринъ, на мои глаза, обыкновенно, какъ многіе господа бываютъ.

ПУШИНСКІЙ. Я то же думаю... На воротахъ дома надпись весьма обыкновенная: домъ титулярнаго совѣтника Душлякова. Отчего же онъ до десяти часовъ не принимаетъ? Спитъ, что-ли?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, давно уже встали.

ПУШИНСКІЙ. Занять, заваленъ дѣлами, что-ли?

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, дѣловъ почти никакихъ не дѣлають-съ.

ПУШИНСКИЙ. Такъ отчего жъ онъ не принимаетъ, коли всталъ и ничего не дѣлаеть?

ГОРНИЧНАЯ. Да ужъ это, сударь, ихнее дѣло... Я человекъ служащій, не смѣю говорить много... мое (*оглядывается во всѣ стороны*) дѣло сторона.

ПУШИНСКИЙ. (*Про себя*) А! это что-то заманчиво; новая пища для наблюденій! (*Ей въ полголоса*) Я очень понимаю, красавица, что твое дѣло сторона, вѣдь и мнѣ тоже нѣтъ дѣла знать, какъ тамъ, и что твой баринъ куралесить до 10-ти часовъ, но, какъ будущему жильцу, мнѣ-бы хотѣлось узнать отъ тебя...

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-съ, онъ у насъ не то, чтобъ куралесилъ, а знаете, ужъ всегда съ утра бываютъ въ особенномъ разстройствѣ...

ПУШИНСКИЙ. А! значитъ, съ утра ужъ любитъ выпить? Это жаль! это болѣзнь, хроническая болѣзнь... это дѣйствию здѣшняго сыраго климата...

ГОРНИЧНАЯ. Что вы, сударь! баринъ мой хмѣльнаго не придерживается.

ПУШИНСКИЙ. А! такъ отчего-же онъ съ утра въ разстройствѣ?

ГОРНИЧНАЯ. (*въ полголоса*). Эхъ, баринъ, какіе вы любопытные... Онъ у меня съ барыней своей больно не ладить.

ПУШИНСКИЙ. А! вотъ что! такъ онъ женатъ?

ГОРНИЧНАЯ. Ужъ два года, сударь, и больно даже смотрѣть, какъ они убиваются.

ПУШИНСКИЙ. Понимаю! Вѣрно у жены рука тяжела...

ГОРНИЧНАЯ. Не могу васъ въ этомъ завѣрить... вотъ какъ наймете квартиру, такъ увидите... (*подбѣгая къ дверямъ барина, потомъ барыни*). Ахти! никакъ оба сюда жалуютъ... Прощайте, сударь, въ 10 часовъ пожалуйте.

ПУШИНСКИЙ. Буду, душа моя, буду; я очень люблю семейныя катастрофы, это мой конёкъ, это мой хлѣбъ насущный, мое наслажденіе и слава! Прошай, умница; полтинникъ на кофій за мной. (*Уходитъ*.)

III.

ГОРНИЧНАЯ провожаетъ его и запраеть за клямъ дверь. Изъ внутреннихъ комнатъ слышны звонки; потомъ съ разныхъ сторонъ быстро входятъ г. и г-жа Душляковы.

ГОРНИЧНАЯ. Ну, пошли перезванивать! Онъ ждалъ, что барыня къ нему придетъ звать пить кофе, а она вѣрно ждала его къ себѣ...

не дождались другъ друга—вотъ теперь и начнутъ дуться да морщиться (отходитъ въ глубину). У, какіе оба сердитые!

НЪМАЯ СЦЕНА. (Музыка выражаетъ тревогу).

Г. И Г-ЖА ДУШЛЯКОВЫ (съ противоположныхъ сторонъ входятъ, сильно взволнованные, выражая безъ словъ одинъ на другаго досаду и гнѣвъ. Потомъ оба торопливо ходятъ изъ угла въ уголъ, послѣ садятся къ столу, гдѣ приготовленъ кофе. Онъ ждетъ, что жена ему нальетъ, но она, утирая глаза платкомъ, не обращаетъ на него вниманія. Мужъ въ досаду отъ ожиданія стучитъ кулакомъ по столу, жена отъ испуга вскакиваетъ и уходитъ отъ него въ противоположную сторону. Онъ тоже вскакиваетъ и, въ досаду простирая руку, показываетъ то на жену, то на простывшій кофе, а она въ эту минуту быстро перелистываетъ какую-то книгу. Мужъ то бьетъ себя въ грудь, то въ досаду треплетъ волосы; наконецъ выйдя изъ терпѣнія, оба сходятся, смотрятъ въ глаза одинъ другому, что-то шепчутъ про себя и гнѣвно погрозивъ другъ другу, опять расходятся быстро по своимъ комнатамъ. Музыка къ концу этой сцены выражаетъ сильную бурю).

IV.

ГОРНИЧНАЯ. одна подсмѣиваясь.

Экъ, Богъ ихъ прости, расходились, словно ихъ съ утра дѣдушка домовой укусилъ!.. Ха! ха! ха! (подходитъ къ столу) Кофе-то поди-ка совѣмъ простылъ?.. (наливаетъ чашку) да... чуть-чуть тепленькій... Въдь кажись, чего-бы лучше: ну, вотъ сошлись-бы, какъ слѣдуетъ супругамъ, усялись-бы рядкомъ и поговорили ладкомъ... (садится за столъ) онъ-бы ей сказалъ: Угодно вамъ кофейку, Перешетуга Андревна? а она: Съ моимъ удовольствіемъ, Иванъ Мартынычъ, и стали-бы преблагополучно прохлаждаться!.. (пьетъ кофе въ прикуску).

V.

ГОРНИЧНАЯ за столомъ и Душляковъ.

ДУШЛЯКОВЪ (самъ съ собою, не видя горничной). Ушла! опять на цѣлый день уирековъ, слезъ, проклятій не оберешься!.. (дѣлая быстрое движеніе къ столу, за которыми горничная) Нѣтъ, я-бы

хотѣлъ только спросить: зачѣмъ люди женятся?.. (*увидя горничную*) Грунька! что ты это дѣлаешь, а?

ГОРНИЧНАЯ, (*вскочивъ со стула*). Виновата, баринъ; этотъ кофе для васъ ужъ негодится, простылъ, такъ чѣмъ вонь выливать, я такъ, попробовала...

ДУШЛЯКОВЪ (*съ досадою*). Ну, такъ пошла разогрѣй его, и выпей весь, когда тебѣ урванется, жена не хочетъ кофею, я тоже! Пошла, приготовь мнѣ чаю! Скорѣе!

ГОРНИЧНАЯ. Слушаю-съ... (*уноситъ кофе*).

ДУШЛЯКОВЪ. (*съ энергіей, какъ-бы спрашивая кого*). Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ спрашиваю: зачѣмъ люди женятся? Неужли за тѣмъ, чтобъ вѣчно каяться, страдать, мучиться? (*ходитъ молча по комнатѣ*) Гмъ!.. чортъ возьми! непонятная, страшная женщина! Чего она отъ меня хочетъ? Если она хлопочетъ уморить меня, я... я этого не могу ей позволить! Помилуйте, за что-же? Я пріѣхалъ сюда изъ провинціи для того, чтобъ служить, быть полезнымъ человѣкомъ для общества, наконецъ, для себя, потому что я отъ природы очень честолюбивъ, я хочу шагнуть куда нибудь... Вѣдь есть-же примѣры, что вдовой пріѣдетъ и начнетъ такъ шагать, что его и на почтовыхъ не догонишь. Но вотъ два года, какъ жена разрушаетъ все мои планы! не даетъ мнѣ рѣшительно шагу сдѣлать. У нея какой-то дикій африканскій характеръ! Она или, не говоря ни слова, дуется до слезъ, или примется ругать меня такъ, что слова летятъ изъ ея гортани, какъ огнедышащая лава изъ Везувія!!! О! въ эти страшныя минуты я, разумѣется, прижимаюсь въ уголокъ, какъ мокрая курица, и опять-таки спрашиваю: зачѣмъ иные люди женятся?.. (*Задумывается и заплыва-етъ сквозь зубы плетью: «Чѣмъ тебя я огорчила»...*) То ли дѣло, мой старинный провинціальный другъ, Мартынъ Ивановичъ Бурсаковъ! Вотъ человѣкъ, съ истинно-философскимъ черепомъ! вѣчно холостъ, синокоевъ и счастливъ... Какъ теперь помню, провожая насъ сюда, онъ сказалъ мнѣ замѣчательныя слова: «Ну, говоритъ, Иванъ, камень брошень! Если ты съ женой будешь счастливъ, такъ ладно, Богъ съ тобой! Если-же нѣтъ, такъ помни, что я тебя всегда удерживалъ отъ омута супружеской жизни! Прощай!»—Благородный другъ! (*утиралъ слезы*) Какъ теперь гляжу на твою смѣшную фигуру, и дивлюсь, какъ хорошо ты знаешь человѣческое сердце! Да! онъ теперь блаженствуетъ на свободѣ, философствуетъ въ глуши Костромскихъ лѣсовъ, или, съ подобными себѣ, играетъ по маленькой въ ерелашъ... а въ дождливую погоду, какъ талантливый человѣкъ, чай угѣшаетъ себя на скрипкѣ, разыгрывая русскія пѣсни. Зная его любовь ко всему изящному, я послалъ ему, въ знакъ

памяти, 12 бутылокъ Гордоговскаго коньяку: какъ, я думаю, онъ теперь счастливъ!.. (*Вскочивъ съ гильзомъ*) Я-же, я!.. Скрѣпя сердце и скрывая зубами, спрашиваю только на всевозможные тоны одно: зачѣмъ люди женятся?..

Зачѣмъ женился я, глупецъ?

Чтобъ слышать брань, да укоризны...

Что я? не мужъ, и не отецъ,

Да и не сынъ моей отчизны!

Къ чему жъ, друзья,

Женился я?

Жена заѣла весь мой вѣкъ!

Я худъ... она-же, точно масса!

До свадьбы былъ я человѣкъ,

Теперь... не рыба и не мясо!

(*Сквозь зубы*)

Къ чему жъ друзья

Женился я?

Да, въ минуты христіанскаго смиренія я люблю отдавать себѣ должную справедливость. А сверхъ того, я чувствую, что въ эти два года я сталъ какимъ-то безхарактернымъ существомъ; жена это замѣтила, поняла, и кончить тѣмъ, что во всемъ возьметъ надо мною верхъ! Она бѣсится больше за-то, что я купилъ этотъ домъ, требуетъ, чтобъ я продалъ его, и опять уѣхалъ съ нею въ провинцію! Зачѣмъ? Тамъ, видите, для нея лучше, тамъ у нея были друзья, пріятное общество, а здѣсь она досадуетъ, что не можетъ обратить на себя вниманія! Сумасшедшая! Неужели она, при своей шарообразной фигуркѣ думаетъ еще кому нибудь нравиться?.. (*кричитъ*) Грунька! что-же чаю? Скорѣй давай!.. (*За кулисами голосъ: сейчасъ!*)

ДУШЛЯКОВЪ. А жена все еще неидетъ сюда... все дуется, какъ мышь на кручу, и оставляетъ меня, какъ говорятъ, съ монологомъ про себя.—А вѣдь дѣйствительно странная особенность бываетъ у людей, любящихъ философскіе выводы: сколько разъ видалъ я, что человѣкъ идетъ себѣ одинъ по улицѣ, и занятый своею мыслію, серіозно размахиваетъ руками и говоритъ прегромко самъ съ собою. Я часто смѣялся надъ такими чудаками, не вѣрилъ, что можно думать вслухъ, а теперь вотъ самъ тоже дѣлаю и вовсе не смѣюсь надъ этимъ! Вотъ русская-то поговорка и справедлива: чему посмѣешься, тому поработаешь. (*кричитъ громче*) Чаю! Грунька! (*бросаясь на стулъ*), Фу! я сегодня что-то особенно не въ духѣ! Грунька!

Г. ДУШЛЯКОВЪ И ГОРНИЧНАЯ несутъ стаканъ чаю съ сухарями.

ГОРНИЧНАЯ. Несу, несу, Иванъ Мартынычъ... (*ставитъ на столъ*)

ДУШЛЯКОВЪ. Что ты тамъ провалилась, а?

ГОРНИЧНАЯ. Да нельзя-же, надо было самоварчикъ подогрѣть, потомъ ждала, пока чай настоится...

ДУШЛЯКОВЪ. У тебя всегда есть глупое оправданіе! (*Съ досадою грозя кулакомъ*) У! женское ехидное племя! Вы существуете для того только, чтобъ дѣлать намъ непріятности! (*Прихлебнувъ изъ стакана*) Отчего не сладко, а?

ГОРНИЧНАЯ. Помилуйте... шесть кусковъ положила, какъ вы всегда приказываете...

ДУШЛЯКОВЪ. Врешь! совсѣмъ не сладко! Вѣрно только четыре положила, а два сама съ кофеемъ сгрызла.

ГОРНИЧНАЯ. Ей-Богу, баринъ, шесть кусковъ! Это вамъ такъ кажется не сладко, потому-что...

ДУШЛЯКОВЪ. Почему? Почему?

ГОРНИЧНАЯ. Потому, что вамъ жить-то вѣрно очень горько на свѣтѣ...

ДУШЛЯКОВЪ (*грозно*). Какъ ты мнѣ, дура, смѣешь это говорить, а? Какъ ты смѣешь думать, что мнѣ горько жить на свѣтѣ, а? Какъ смѣешь даже видѣть, что мнѣ горько, или сладко? (*Вскочивъ со стула быстро ходитъ по комнатѣ*). Нѣтъ, Грунька, я тебя накажу! я тебя приколочу, тогда ты по-крайней-мѣрѣ навѣрно будешь знать, кому горько, кому сладко...

ГОРНИЧНАЯ. Помилуйте! за что-жъ такъ обижать маленькаго чело-вѣка? (*отступаетъ направо въ глубину*).

ДУШЛЯКОВЪ. А за то; чтобъ маленькій чело-вѣкъ не былъ боль-шимъ дуракомъ; и держалъ языкъ на привязи! Вонъ изъ моего дома! (*Топочетъ ногами*). Вонъ! я хозяинъ дома, и имѣю право выгнать всякаго за глупыя дерзости! Вонъ!!

VI.

ТУТЪ-ЖЕ Г-ЖА ДУШЛЯКОВА.

ДУШЛЯКОВА (*сердито*). Что, что, вонъ? Выгнать добрую и вѣрную служанку, которая для меня необходима? Это что такое? (*Горничной*). Поди, принеси мнѣ въ спальню кофе. (*Горничная, поцѣловавъ ея руку, уходитъ*). Помилуйте, Иванъ Марты-

нычь, я вижу, что вы наконецъ потеряли всякое малѣйшее уваженіе къ нашему нѣжному и слабому полу! Живя здѣсь, въ вашемъ блестящемъ Петербургѣ, сердце ваше такъ очерствѣло, что вы сдѣлались какимъ-то отвратительнымъ эгоистомъ; ни мнѣ, ни окружающимъ меня, просто отъ васъ житья нѣтъ! И часто случается, что вы мнѣ не даете даже путнаго слова сказать... (*Онъ хочетъ говорить, она быстро перебиваетъ его*). Молчите! да, вы меня угнетаете, стараясь ежеминутно доказать, что я передъ вами ничего незначу! И я, какъ слабая женщина, разумѣется, не смѣю возражать, мѣчно молчу, молчу, какъ убитая, или плачу въ своей комнатѣ, не смѣя никому жаловаться! Эту—ли жизнь вы мнѣ обѣщали, когда я, чистосердечная и простодушная, отдавала вамъ свою руку? (*Онъ хочетъ возражать*). Молчите! вы клялись мнѣ, когда.. мы пріѣхали отъ вѣнца, жертвовать всею для моего счастья, исполнять все мои желанія и капризы, доставлять мнѣ все радости, все удовольствія; вы обѣщали, что я въ кругу семейной жизни буду блаженствовать, а между—тѣмъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, вы только доказываете мнѣ, что вы ничтожный, жалкій хвостунъ, и больше ничего. (*Онъ снова хочетъ возражать, она, топнувъ ногою, вскрикиваетъ*). Дайте мнѣ хоть слово сказать! Да, сударь, вы не мужъ! вы не имѣете никакого права носить это почтенное прозваніе! Впрочемъ, я бы еще помирилась съ моимъ жалкимъ одиночествомъ, если бѣ оставалась въ нашей благословенной провинціи, гдѣ я была на виду, гдѣ вокругъ себя видѣла пріятное, милое общество, которое занимало меня и любило... Такъ нѣтъ, вы и этой отрады лишили меня! вы привезли меня сюда, въ блестящую, шумную толпу, гдѣ на меня никто и малѣйшаго вниманія не обращаетъ! гдѣ эгоизмъ и себялюбіе вполне поглотили, уничтожили все людскія чувства! гдѣ надъ женщиной, которая умѣетъ чувствовать истинно, смѣются, какъ надъ старою модой! гдѣ не вѣрятъ ни во что человѣческое! (*постепенно разгорячалась*)—тогда, какъ женщина съ моею фигурой, съ моими достоинствами, безъ лести могла-бы украситъ собою всякое образованное общество! За что-же, позвольте васъ спросить, вы лишили меня самыхъ невпныхъ удовольствій? За что вы такъ ужасно разочаровали жизнь мою? За что-же я должна въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ умирать съ тоски, прозябая здѣсь, въ какой-то Гончарной улицѣ, а? Развѣ чувствительные, благородные мужья поступаютъ такъ съ любимыми женами, а? Отвѣчайте-же, милостивый государь!

ДУШЛЯКОВЪ (*стараясь ее перебить*). Це...

ДУШЛЯКОВА (*не давая ему времени*). Знаю, знаю, что вы станете возражать мнѣ! но этимъ вы передо мною не оправдастесь!

ДУШЛЯКОВЪ. Пере...

ДУШЛЯКОВА (*также*). Потому-что въ цѣлые два года вы мнѣ не могли и не умѣли доставить ни малѣйшихъ развлеченій!

ДУШЛЯКОВЪ. Перепе...

ДУШЛЯКОВА. Да это все равно, ничего не доказываетъ! Кто любить истинно жену свою, тотъ отъ другихъ старается перенять, какъ живутъ порядочные мужья...

ДУШЛЯКОВЪ. Перепетуя...

ДУШЛЯКОВА. Чудовище! Вы забыли, что я пожертвовала вамъ всѣмъ—моимъ иѣжнымъ сердцемъ, рукою, и за эти безцѣнные жертвы вы мнѣ платите самымъ холоднымъ, убійственнымъ равнодушіемъ. (*Начинаетъ рыдать*).

ДУШЛЯКОВЪ (*вспрыгнувъ*). Перепетуя Андреевна!..

ДУШЛЯКОВА и ДУШЛЯКОВЪ (*вмѣстѣ*). Боже мой! Боже мой! И въ добавокъ этотъ же самый человекъ, этотъ жалкій мужъ, готовъ при всякомъ случаѣ жаловаться на бѣдную жену, даже требовать отъ нея, чтобъ она не смѣла рта развѣвать! (*какъ-бы сама съ собою*). А я васъ спрашиваю: можно-ли молчать женщинѣ съ моими достоинствами? Нѣтъ, еслибъ я была не женщина, а рыба, я разумѣется, тогда-бы поневолѣ должна была молчать; но, какъ Богъ мнѣ далъ чувства человека, языкъ, истинныя понятія, то я не могу молчать! Вы варваръ! вы заѣли мою жизнь! вы убили мою молодость! Да! да, я васъ презираю!! Вы не стоите меня! вы не стоите моего мизинца! Вы тиранъ!!!—(*Она*). Перепетуя Андреевна! вы такая строптивая женщина, такого неспокойнаго характера, что еслибъ у васъ было три мужа, вмѣсто одного, такъ вы своимъ африканскимъ нравомъ всѣхъ троихъ свели-бы преждевременно въ могилу! Да! да! Вы такой здоровой комплекции, что съ вами невозможно поладить! Легкія ваши такъ хорошо устроены, голосъ такого сильнаго объѣма, что не только я, но самый роковой мужчина выбьется изъ силъ, замолчитъ и спрячется въ уголь, какъ мокрая курица! Что я и дѣлаю... (*отходитъ въ уголь и садится*).

ДУШЛЯКОВЪ (*вполголоса*). А! (*оба молчатъ довольно долго*). Я только спрашиваю одно: зачѣмъ люди женятся?

ДУШЛЯКОВА (*про себя*).

Господи, Боже мой! что за мученіе

Здѣсь суждено мнѣ сносить?..

ДУШЛЯКОВЪ (*также*).

Право, нѣмецкое нужно терпѣніе

Съ нею, чтобъ кашу сварить!

ДУШЛЯКОВА.

Прежде мнѣ въ жизни все такъ улыбалось,
Въ дружбѣ, въ любви всѣ клялись...

ДУШЛЯКОВЪ.

Экое счастье мнѣ въ жизни досталось,
Просто-хоть въ адъ провались!

ДУШЛЯКОВА.

Въ двушкахъ я была рѣзвая, смѣлая,
Взгляда, бывало, всѣ ждуть. .

ДУШЛЯКОВЪ.

Кажется, женщина полная, зрѣлая,
А не дозрѣла вотъ тутъ! (*показавъ на голову*).

ДУШЛЯКОВА.

Живши въ провинціи, я красовалась,
Здѣсь-же, совсѣмъ новый міръ!..

ДУШЛЯКОВЪ.

Тамъ ты лицомъ и умомъ отличалась,
Здѣсь-же, adieu mon plaisir!

ДУШЛЯКОВА (*вскочивъ со стула*). Пванъ Мартынычъ! я вамъ говорю рѣшительно, что если вы не продадите этого дома и не увезете меня опять въ провинцію, я приду въ отчаяніе! я съума сойду! я... я... однимъ-словомъ, я за себя не отвѣчаю!

ДУШЛЯКОВЪ. Матушка, Перепетуя Андревна! право, я не вижу никакой надобности вамъ сходиться съ-ума. Послушайте, вы упрекаете меня въ эгоизмъ, а сами говорите и дѣйствуете, какъ самая жестокая эгоистка!

ДУШЛЯКОВА. Какъ, почему вы смѣете такъ думать обо мнѣ, чтобъ я была...

ДУШЛЯКОВЪ. Позвольте-же, дайте мнѣ логически доказать, какъ жестоки и неосновательны ваши требованія. Вы говорите, что въ Костромской губерніи вы были счастливыѣ, веселѣе; что тамъ вы были на виду; тамъ всѣ льстили вашему самолюбію, восхищались вашими достоинствами, и проч. и проч., а здѣсь, въ столицѣ, вы стали незамѣтны;

хотя это такъ и должно быть, потому что здѣсь ничѣмъ и никого не удивишь, а тѣмъ менѣе подобная вамъ персона. Ей-Богу! вы не сердитесь... я хоть и мужъ вашъ, но долженъ сказать, что женщины, подобныя вамъ, здѣсь, въ Петербургѣ, право ни по-чемъ! И такъ, чтобъ вамъ снова пощеголять своими достоинствами, вы требуете, чтобъ я бросилъ службу и продалъ за безцѣнокъ свой домъ! Развѣ это не эгоизмъ съ вашей стороны? Изъ одного смѣшнаго, пустѣйшаго тщеславія, вы требуете отъ мужа такихъ жертвъ, на которыя ни я, и никто не долженъ рѣшаться!

ДУШЛЯКОВА. Но живя здѣсь, я чувствую страшную тоску, я видимо увядаю...

ДУШЛЯКОВЪ (*холодно*) Это общій законъ человѣческой природы. Вы-же въ такихъ годахъ, что ужъ вамъ и пора.

ДУШЛЯКОВА (*грозно*) Иванъ Мартынычъ!! сели вы будете дѣлать мнѣ подобныя замѣчанія, я васъ буду глубоко презирать! развѣ вы не видите, что здѣсь я съ каждымъ днемъ худѣю...

ДУШЛЯКОВЪ. Право, не вижу. Да и горничная вчера говорила, что она должна у всѣхъ вашихъ платьевъ перешивать крючки,—ни одно не сходится...

ДУШЛЯКОВА. Неправда! она лжетъ! Я ее сегодня-же прогоню!

ДУШЛЯКОВЪ. А! вотъ теперь вы хотите ее прогнать? Нѣтъ! такъ ужъ мы ее лучше оставимъ. Чѣмъ она виновата, что вамъ узки всѣ платья?

ДУШЛЯКОВА. Неправда! неправда! Вы посмотрите на мое лицо! видите, какая страшная переиѣна? (*Смотритъ на него*).

ДУШЛЯКОВЪ. Ваше лицо? Извините, если я скажу вамъ, безъ всякаго лицепріятія: оно изображаетъ совершенное полнолуніе.

ДУШЛЯКОВА. Но видите-ли вы эту страшную, матовую блѣдность?

Г. ДУШЛЯКОВЪ. Вы ошибаетесь: это такъ сказать, косметическая блѣдность...

ДУШЛЯКОВА (*въ сильномъ гнѣвѣ*) Какъ! и вы смѣете думать обо мнѣ такъ обидно? Это ужасно! Такъ я бѣжусь, по вашему? а?

ДУШЛЯКОВЪ. Нѣтъ-съ, не по-моему, а вы это по вашему изволите упражняться...

ДУШЛЯКОВА. Послѣ этихъ обидныхъ заключеній, я съ вами говорить не хочу, слышите? Я съ вами не скажу ни слова, до тѣхъ поръ, пока вы... (*въ передней звонитъ*)

ДУШЛЯКОВЪ. Что это? ко мнѣ кто-то пожаловалъ... Эй! Аграфена! (*Аграфена, пробѣгая изъ комнатъ барыни въ переднюю.*)

ТѢЖЕ, ГОРНИЧНАЯ, ПОТОМЪ ПУШИНСКІЙ.

ГОРНИЧНАЯ. Ахъ—ти, я вамъ, баринъ, забыла сказать: это вѣрно пожаловалъ онять тотъ господинъ, который приходилъ давеча нанимать квартиру. (*Скрывается въ переднюю*).

ДУШЛЯКОВЪ. А, слава Богу! Милости просимъ!

ДУШЛЯКОВА. Какъ! я хочу чтобъ вы продали домъ, а вы еще, какъ на смѣхъ мнѣ, пускаете жильцовъ? Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Я не хочу! не позволяю! я несогласна!

ДУШЛЯКОВЪ. Душа моя, Перепетуя Андревна! сохранимъ хоть приличіе, не будемъ кричать при постороннемъ человѣкѣ... онъ ужъ въ передней...

ДУШЛЯКОВА. Я не хочу никого видѣть! А если вы отдадите квартиру, я клянусь вамъ, что чрезъ день выживу этого жильца изъ дому! Да! да! онъ не жилецъ въ этомъ домѣ! (*Уходитъ въ сильной досадѣ*) Прочь отъ меня! я васъ видѣть не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. (*успокоивая ее*) Перепетуя, пере...перестань (*про себя*) О, африканская натура! Она уморитъ меня!

ПУШИНСКІЙ (*входитъ, раскланиваясь*) Милостивый государь... мое нижайшее почтеніе!.. Извините .. я кажется помѣшалъ вамъ наслаждаться семейнымъ счастіемъ?..

ДУШЛЯКОВЪ. О... совѣмъ напротивъ... Вы очень кстати... потому что... (*про себя*) Вѣрно онъ слышалъ голосъ моей раздражительной половины...

ПУШИНСКІЙ. (*про себя*). Жена его, какъ я замѣтилъ, ушла въ сильномъ гнѣвѣ, вѣрно она муженька по утрамъ распекаетъ... (*ему*) Вы, пожалуйста, не церемоньтесь со мною; можетъ быть, ваша супруга еще не кончила своихъ распоряженій, такъ я могу послѣ.

ДУШЛЯКОВЪ. О, нѣтъ—съ, я... я ей приказалъ все, что тамъ слѣдуетъ, знаете, по хозяйству, и теперь совершенно освобожденъ. Прошу садиться; позвольте: мнѣ ваше лицо знакомо... я васъ гдѣ—то часто видѣлъ...

ПУШИНСКІЙ. Ахъ, и я также гдѣ—то васъ встрѣчалъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Только извините, я не помню...

ПУШИНСКІЙ. И я тоже.

ДУШЛЯКОВЪ. Но, я—то ничего... Покорнѣйше прошу...

ПУШИНСКІЙ. (*садится*) Покорно благодарю... А у васъ прекрасный домикъ! Давно вы имъ владѣете?

ДУШЛЯКОВЪ. Да вотъ ужъ съ годъ времени... Такъ себѣ одно-
семейный, спокойный, чистенькій...

ПУШИНСКІЙ. Да, премиленькій! И вѣрно ваша супруга въ вос-
хищеніи отъ этого домника?

ДУШЛЯКОВЪ (*незная что сказать*). О! да... да, она въ ужас-
номъ восхищеніи! Но, позвольте съ кѣмъ я имѣю честь?..

ПУШИНСКІЙ. Сейчасъ скажу. Позвольте мнѣ спросить прежде.
давно вы имѣете счастье быть женатымъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Да ужъ два года—съ, какъ я наслаждаюсь этимъ
счастьемъ. Но я слышалъ, что вамъ угодно...

ПУШИНСКІЙ. Сейчасъ. Ахъ! какъ я всегда завидую этому счастью!
какъ пріятно видѣть, когда человѣкъ, найдя себѣ подругу по сердцу,
блаженствуетъ съ нею, живетъ душа въ душу, вотъ какъ напрімѣръ
вы... Какъ васъ зовутъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Иванъ Мартынычъ... А васъ, позвольте узнать?..

ПУШИНСКІЙ. Владиміръ Андреечъ Пушкинскій. Да! завидная ваша
участь, Иванъ Мартынычъ! А я, признаться, давеча очень удивился.
слыша, что вы, не бывши заняты никакими важными дѣлами по службѣ,
говорятъ, не принимаете никого раньше десяти часовъ, но теперь я по-
нимаю отчего это, понимаю... Обладая прелестною, доброю женой, вы
любите понѣжиться, посидѣть съ нею, побалагурить на свободѣ, попить
чайку стаканчикъ другой, принимая его съ любовію изъ рукъ обожаемой
женщины, и проч., и проч. О! въ эти отрадные минуты, точно, нельзя
раньше десяти часовъ никого принимать! Давно и я собираюсь, подобно
вамъ, насладиться такимъ—же семейнымъ счастьемъ, но все не удается...

ДУШЛЯКОВЪ. О, да будто это мудрено? Стоять только вамъ най-
ти вотъ такую—же, какъ моя женушка, и вы... вы узнаете всю пре-
лесть этого счастья... (*Забывшись*) Конечно, не дай Господи и врагу! .
т. е. я говорю, если кто ошпбется...

ПУШИНСКІЙ. А, да! я васъ понимаю... Разумѣется, кто женит-
ся съ дуру, чортъ знаетъ зачѣмъ, на комъ, такъ тотъ, конечно,
вмѣсте блаженства наслаждается каторгой супружеской жизни!

Есть эти личности смѣшныя:

Иной — не глухой человѣкъ,

Вдругъ сядетъ въ дураки такіе,

Что послѣ плачетъ весь свой вѣкъ!

Себя бранить, жену порочить,

Кланетъ судьбу и жизнь свою...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*)

Онъ описать какъ видно хочеть
Всю біографію мою.

ПУШИНСКІЙ (*продолжая*)

Иной, чудакъ, вѣдь добровольно
Надѣнетъ петлю навсегда!..

ДУШЛЯКОВЪ (*приходя въ волненіе*)

Да, да, и какъ ему ни больно,
А ужъ изъ петли никауда!

ПУШИНСКІЙ (*такъ-же*)

Или страдая отъ недуга...

ДУШЛЯКОВЪ (*перебивая его*)

Одной отрады ждетъ глупецъ:
Авось любезная супруга
Затянетъ петлю... и конецъ!

ПУШИНСКІЙ. Да, да; избави Богъ всякаго мужа въ этой жизни отъ столь щекотливаго обстоятельства. Вотъ, науримѣри, вы..

ДУШЛЯКОВЪ (*обидаясь*). Что такое, я? Государь мой! мнѣ странно... Вы кажется, пришли ко мнѣ нанимать квартиру, а не затѣмъ, чтобъ подмѣчать, кто здѣсь съ петлей на шеѣ..

ПУШИНСКІЙ. Не обижайтесь, Иванъ Мартынычъ, вы мнѣ не дали окончить фразы, что вы, конечно, очень далеки отъ подобной супружеской петли.

ДУШЛЯКОВЪ. О! ужъ конечно-съ!.. (*про себя*). Нельзя же, надо поддержать себя... (*ему*). Я, батюшка, изъ тѣхъ немногихъ мужей, которые... (*принимая грозную позу*). Гмъ! Боже сохрани, если жена чуть что-нибудь... бѣда! я никакой петли не испугаюсь!

ПУШИНСКІЙ. О! да это видно по вашей фізіономіи... (*всторону*). Туда же, прикидывается молодцомъ.

ДУШЛЯКОВЪ. И такъ, государь мой, въ сторону дѣла супружескія, а займемся тѣмъ, зачѣмъ вы изволили пожаловать...

ПУШИНСКІЙ. Ваша правда-съ. Я смотрѣлъ въ вашемъ домѣ мезонинчикъ, въ которомъ три хорошенькія комнатки, и очень бы желалъ нанять ихъ. Что вы съ меня возьмете, только-съ съ вашими дровами и водой?

ДУШЛЯКОВЪ. О! я дорожиться не люблю. Крайняя цѣна за три комнаты съ дровами и водой десять рублей серебромъ.

ПУШИНСКІЙ. Гмъ... и меньше ничего?

ДУШЛЯКОВЪ. Невозможно взять меньше! посудите сами.

ПУШИНСКІЙ. Хорошо, хорошо, я нанимаю. По моимъ расчетамъ, все-таки это гораздо дешевле, чѣмъ нанимать номеръ въ гостиницѣ и платить за одну комнату по рублю въ сутки. (*вынимая изъ бумажника деньги*). Вотъ, вамъ, почтенный хозяинъ, за мѣсяцъ впередъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Очень хорошо-съ. (*про себя*). На зло моей женѣ впускаю въ домъ жильца! (*Ему*). А вы стоите въ гостиницѣ? Вѣрно вы недавно въ Петербургѣ?

ПУШИНСКІЙ. Вчера только прикатилъ къ вамъ по желѣзной дороге изъ Москвы. Чудная дорога!

ДУШЛЯКОВЪ. А! такъ вы москвичъ?

ПУШИНСКІЙ. Нѣтъ, я здѣшній уроженецъ; но какъ вѣрный сынъ отечества, путешествовалъ лѣтъ восемь по матушкѣ Россіи, жилъ вездѣ, изучая на мѣстѣ разные обычаи и нравы; пописываю кое-о-чемъ, и потому именно, что первые мои оцты были хорошо приняты публикою и одобрены нашими журналами.

ДУШЛЯКОВЪ. А! такъ вы писатель? Это очень пріятно...

ПУШИНСКІЙ. Да-съ, началъ я довольно счастливо, не знаю, буду-ли имѣть успѣхъ теперь?

ДУШЛЯКОВЪ. Помилуйте! у насъ теперь въ Петербургѣ, хоть и любятъ похулить, побранить, но таланту всегда отдадутъ справедливость...

ПУШИНСКІЙ. Нѣтъ, вотъ въ томъ-то и горе наше, что иногда эта справедливость вдвое хуже всякой несправедливости; въ литературѣ нашей вездѣ играютъ роли кумовство, да дружескія отношенія... ну, да, что объ этомъ, послѣ будемъ толковать. Когда же я могу къ вамъ переѣхать?

ДУШЛЯКОВЪ. Хоть сейчасъ, если вамъ угодно. (*Оба встаютъ*).

ПУШИНСКІЙ. Прекрасно! я сейчасъ распоряжусь. Потомъ опять пушусь странствовать по улицамъ, чтобъ вполнѣ насмотрѣться, любоваться нашей чудною столицей! Неправда-ли, замѣчательный, рѣдкій городъ?..

ДУШЛЯКОВЪ. Да, батюшка, какъ я въ первый разъ съ женой пріѣхалъ въ вашъ Петербургъ, то безъ всякой лести скажу: ротъ разинулъ отъ удивленія! Великолѣпный городъ! Женѣ моей онъ только очень не по нутру, но она женщина, ничего не понимаетъ въ этомъ. Я же, признаюсь, люблю Петербургъ.

ПУШИНСКИЙ. Помилуйте, да я только восемь лѣтъ не былъ здѣсь, и теперь просто въ восторгѣ отъ разныхъ новостей.

Нашъ Петербургъ сталъ чудно украшаться!
Спѣшу вездѣ, гдѣ можно, побывать,
Имъ иностранцы ѣздить любоваться,
Такъ русскому грѣшно его не знать!
Давно ли былъ я въ сѣверной Пальмирѣ,
И что жъ? дивлюсь невольно чудесамъ ..
Нашъ Петербургъ красивѣй сталъ и шире,
Растетъ гигантъ, на диво всѣмъ въкамъ!
И не по днямъ растетъ, а по часамъ!
По мѣрѣ силъ и умственныхъ познаній,
Все видимо и крѣпнеть, и цвѣтеть!
Какъ много здѣсь полезныхъ начинаній,
Какъ дѣйствуетъ, работаетъ народъ...
Завистники хоть къ русскимъ очень строги,
Но къ зависти и много есть причинъ:
Здѣсь сила, умъ, желѣзныя дороги,
Торговля, жизнь. . и надо-всѣмъ одинъ
Нашъ сѣверный могучій *Властелинъ!!*

Такъ, именно, есть чему позавидовать! Неправда ли?.. Такъ до пріятнаго свиданія, любезный хозяинъ!

ДУШЛЯКОВЪ. До свиданія, Владиміръ Андреевичъ! А когда вы познакомитесь съ моею женой, внушите, пожалуйста, ей настоящее понятие о Петербургѣ, это необходимо для меня.

ПУШИНСКИЙ. Всѣми силами постараюсь. Прощайте! (*уходитъ*).

ДУШЛЯКОВЪ (*проводя его въ переднюю*). Прощайте, мой любезный, мой дорогой жилецъ! Очень радъ, что мы съ вами такъ скоро сошлись; переѣзжайте поскорѣе! До свиданья!..

VIII

ДУШЛЯКОВЪ въ передней и **Г-ЖА ДУШЛЯКОВА**, входя, слышать послѣднія слова мужа;
ГОРНИЧНАЯ проходить въ переднюю.

ДУШЛЯКОВА. Какъ, переѣзжайте? да вы съ ума сошли! Вы смѣтаете надо мною! я не позволю никому переѣзжать, съ кѣмъ бы вы тамъ ни сошлись! слышите? не позволю! не хочу!..

ДУШЛЯКОВЪ. Жена! Перешетуя Андревна! успокойся...

ДУШЛЯКОВА. Не хочу! не хочу! и не хочу!..

ДУШЛЯКОВЪ. Жилецъ нашъ отличный малый!

ДУШЛЯКОВА. Не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Отдалъ намъ впередъ за мѣсяцъ...

ДУШЛЯКОВА. Знать пичего не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Видныйй мужчина...

ДУШЛЯКОВА. Я видѣть его не хочу!

ДУШЛЯКОВЪ. Извѣздилъ всю Россію...

ДУШЛЯКОВА. Миѣ какое дѣло?

ДУШЛЯКОВЪ. Онъ хочеть и съ тобой...

ДУШЛЯКОВА. Что? что?

ДУШЛЯКОВЪ. Свести знакомство.

ДУШЛЯКОВА. Не хочу! я уѣду отсюда!

ДУШЛЯКОВЪ. Да узнай прежде, вѣдь это писатель...

ДУШЛЯКОВА. Такъ что жъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Владиміръ Андрейчъ...

ДУШЛЯКОВА. Какъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Владиміръ Андрейчъ Пушкинскій, хорошіій писатель и прелюбезныйи человекъ! Онъ вчера пріѣхалъ.

ДУШЛЯКОВА (*про себя*). Какъ, Владиміръ Андрейчъ Пушкинскій? мой милый Вольдемаръ, который въ Костромѣ отъ меня съ ума сходилъ... Возможно-ли, онъ здѣсь!.. онъ меня преслѣдуетъ...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Что съ нею? неужели названіе писателя такъ успокоительно подѣйствовало на ея нервы?..

Да, да, писатель онъ, и умница притомъ...

ДУШЛЯКОВА (*смыгчась*).

Ну, если такъ, то я... охотно бѣ согласилась!

Писателя принять весьма пріятно въ домѣ!

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя, наблюдая за нею*).

Вотъ чудо! вдругъ совсѣмъ утихла, усмирилась!..

ДУШЛЯКОВА.

Съ талантами жилецъ не надѣется никакъ:

Напишетъ что и намъ прочтетъ въ часы досуга...

ДУШЛЯКОВЪ (также).

Не написать-ли мнѣ чего-нибудь, да такъ,
Чтобъ успокоилась на вѣкъ моя супруга!

ДУШЛЯКОВА (*перемѣнивъ голосъ*). Ахъ, Жанъ! какой ты упрямый человекъ! У тебя какая-та страсть вѣчно поставить на своемъ! Ну, дѣлать нечего, я какъ слабое созданіе, поневолѣ должна уступить тебѣ...

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Что это! моя Перепетуя Андревна называетъ себя слабымъ созданіемъ... Это что-то не въ натурѣ вещей...

ДУШЛЯКОВА (*про себя*). Боюсь, чтобъ онъ не замѣтилъ моего волненія (*ему*) Такъ ты ужъ съ жильца за мѣсяцъ и деньги впередъ взялъ? (*Грозитъ ему съ любезностью*) У, тиранъ! ты вѣрно зналъ, что переспоришь меня... Ну, дѣлать нечего, пусть будетъ по-твоему. Когда же нашъ жилецъ переѣдетъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Да хотѣлъ сейчасъ... (*про себя*). Удивительно, совсѣмъ измѣнилась!..

ДУШЛЯКОВА (*бѣжитъ къ зеркалу и охорашивается*). Сейчасъ, ахъ, Боже мой, какъ это досадно! Кажется, у тебя тамъ квартира не въ порядкѣ; ты бы пошелъ и приказалъ дворнику хорошенько вымести, вычистить, обтереть пыль, и проч. и проч., понимаешь Жанъ? это необходимо.

ДУШЛЯКОВЪ. Квартира-то, не безпокойся, въ порядкѣ, но ты...

ДУШЛЯКОВА (*подбѣгаетъ къ нему*). А что я, а? вѣрно очень блѣдна? да, цвѣтъ лица болѣзненный? да?

ДУШЛЯКОВЪ. Господь съ тобою, какой болѣзненный, напротивъ! Мнѣ странно, что ты...

ДУШЛЯКОВА. Что, что, похудѣла? Ахъ! это все ты виновата, чудовище! (*грозитъ ему и опять подбѣгаетъ къ зеркалу*). Ты скоро меня въ гробъ вгонишь своимъ тиранствомъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Ахъ! къ несчастію, это почти не возможно! (*въ передней раздается звонокъ*).

ДУШЛЯКОВА (*въ сильномъ волненіи*). Ахъ! это вѣрно онъ! а я такъ небрежно одѣта... (*про себя*). Надо показать Вольдемару, что я не даромъ въ Петербургѣ; побѣгу, приведу свой туалетъ въ порядокъ, свои чувства, свои мысли, идеи, и проч. и проч. (*убѣгаетъ*).

ДУШЛЯКОВЪ (*смотри ей вслѣдъ*). Чортъ знаетъ, что это съ моею Перепегуей? Она, какъ будто немножко повихнулась... (*горничной*). Кто тамъ звонилъ?

ГОРНИЧНАЯ. Какой-то толстый баринъ васъ спрашиваетъ... говоритъ, что ищетъ васъ другой день.

ДУШЛЯКОВЪ. Кто такой? Зови сюда! (*Въ передней слышенъ громкій голосъ*). А, нашелъ! слава Богу! нашелъ!

IX.

ТЪ ЖЕ и БУРСАКОВЪ, тучный мужчина, въ длинномъ пальто, фуражкѣ и съ палкою.

ДУШЛЯКОВЪ. Что за дьявольщина! голосъ знакомый... Кто бы это?..

БУРСАКОВЪ (*входя снимаетъ фуражку*). Иванъ Мартынычъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*узнавъ его*). Ба! ба! Мартынь Иванычъ!! глазамъ не вѣрю...

БУРСАКОВЪ. Другъ, Иванъ Мартынычъ!.. (*простирая объятіи*).

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Онъ! онъ! Мартынь Иванычъ! другъ! благопріятель, мудрый наставникъ мой! Какое счастье! какими судьбами ты въ Петербургъ? Ахъ, Боже мой! я готовъ заплакать отъ радости!! (*цѣлуются*).

БУРСАКОВЪ. Спасибо, дружище! большое спасибо за такой радушный пріемъ! это для меня, канальство, большая утѣха!

ДУШЛЯКОВЪ. Садись, пожалуйста, голубчикъ ты мой, сегодня еще я вспоминалъ о тебѣ и вспоминалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія... А ты какъ сиѣлъ на голову!

БУРСАКОВЪ. Спасибо! Я былъ увѣренъ, что ты еще забылъ меня, Иванъ Мартынычъ...

ДУШЛЯКОВЪ. Тебя забыть? Боже сохрани! (*съ глубокимъ чувствомъ*).

Наставникъ мой, Мартынь Иванычъ!

Завидуя твоей судьбѣ,

Твои уроки, днемъ и на ночь

Твержу частенько я себѣ;

Грѣши-бъ съ тобою раздружиться,

Ты столько дѣлалъ мнѣ услугъ,

И не совѣтовалъ жениться,

Такъ значитъ, ты мой лучший другъ!

Здоровъ ли ты, мой голубчикъ? философъ костромскихъ лѣсовъ?

БУРСАКОВЪ. Какъ видишь, милый Ванюша; лезу канальство врозь, какъ тѣсто въ квашнѣ!

ДУШЛЯКОВЪ. Слава Богу! Вотъ ужъ сдѣлалъ сюрпризъ неожиданный! Мартынь Иванычъ у меня въ домѣ! А давно ли ты въ Петербургъ, какъ ты нашелъ меня?

БУРСАКОВЪ. Да ужъ братъ думалъ, въ такомъ обширномъ городищѣ никогда не найду тебя; да спасибо, указали мнѣ дорогу въ адресный столъ, тамъ я тебя разомъ и отрылъ; а преползное заведеніе для насъ, глухихъ провинціаловъ. Ну, Ванюша, что это у васъ за Петербургъ, канальство, какое раздолье!

ДУШЛЯКОВЪ. Да, дружище, не правда ли, рѣдкій, замѣчательный городъ?

БУРСАКОВЪ. Чудо, чудо канальство! И тѣмъ болѣе замѣчательнѣе, что куда ты ни покажись, никто тебя и замѣчать не станетъ! тутъ ли ты, нѣтъ ли, идешь, или ѣдешь, на тебя какъ будто и наплевать не хотятъ! А вѣдь это для нашего брата, маленькаго человѣка, обычай весьма утѣшительный, канальство! У насъ же, поди, въ провинціи каждый шагъ, что сдѣлалъ, куда сходилъ, все узнаютъ и разомъ осудятъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Да ужъ это я очень хорошо знаю, самъ довольно пожилъ въ провинціи. Здѣсь, дружище, совсѣмъ напротивъ, и понятія и обычай совершенно другія. Здѣсь каждый, во-первыхъ, непременно занятъ своимъ дѣломъ, своей службой, у каждаго забота о себѣ и о своемъ, стало-быть, нѣтъ времени заниматься тѣмъ, что до насъ не касается. Въ такомъ многочисленномъ муравейникѣ, какъ нашъ Петербургъ, это очень натурально, такъ должно быть.

БУРСАКОВЪ. Да, да, для насъ чудаковъ, это очень ново и странно, канальство! Но, объ этомъ послѣ; ну, а какъ ты-то поживаешь? Что твоя женушка? ладнѣе ли ты съ нею, а?

ДУШЛЯКОВЪ (*про себя*). Что я ему скажу? чортъ знаетъ? самолюбіе велитъ хоть на время скрыть и отъ друга свое несчастіе. (*Ему*). Ни што, живемъ, дружище, да хлѣбъ жуемъ! не знаю, что дальше будетъ, а покуда очень, очень хорошо!

БУРСАКОВЪ. А! значить, дай Богъ, чтобъ у васъ и всегда такъ было! Значить, живете, такъ говорится: душа въ душу, канальство?

ДУШЛЯКОВЪ (*съ ироніей*). Да, канальство! такъ иногда бываетъ, что просто не знаешь, какъ и выразить... (*идетъ и приказываетъ что-то горничной*).

БУРСАКОВЪ. А! Поздравляю! (*Про себя*). А я, дуралей, не смѣю теперь ему и сказать, на какомъ чудовищѣ меня женили... Впрочемъ хоть и стыдно, канальство, а надо же ему объявить о моемъ несчастіи (*ему*). Гмъ! Иванъ Мартынычъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Что? что мой любезный Мартынъ Иванычъ? сейчасъ я велѣлъ намъ подать позавтракать.

БУРСАКОВЪ. Спасибо, гмъ! Иванъ Мартынычъ! представь себѣ: ты

вѣдь знаешь, что я страшный охотникъ стрѣлять всякую дичь? и по болоту люблю шататься и по лѣсу, знаешь?

ДУШЛЯКОВЪ. Какъ не знать тебя! даже въ Костромѣ звали всѣ волшебнымъ стрѣлкомъ.

БУРСАКОВЪ. Да... но теперь ужъ я пересталъ охотиться, потому—что однажды больно промахнулся. Слушай, зналъ ты, за Костромой есть одно большое болотное мѣсто и называется: бабій выгонъ?

ДУШЛЯКОВЪ. Знаю, помню.

БУРСАКОВЪ. Ну, а поминишь близъ этого мѣста жила въ своемъ селѣ, одна солидная барышня, лѣтъ сорока слишкомъ, по имени Праксагора Ксенофонтовна?

ДУШЛЯКОВЪ. Праксагора Ксенофонтовна? Какъ не помнить! отъ нее еще всѣ бѣгали, а наша молодежь прозвала ее Медузой.

БУРСАКОВЪ. Медузой? Она! она! Представь же себѣ, дружище: вѣдь наконецъ и она вышла замужъ!

ДУШЛЯКОВЪ (*очень удивленный*). Неужто? Быть не можетъ! Какого же это олуха она плѣнила своею личностью? Ха, ха, ха!

БУРСАКОВЪ. А ты думаешь, что она ничѣмъ и никого не можетъ плѣнить?

ДУШЛЯКОВЪ. Да, помилуй! Надо быть или совсѣмъ слѣпымъ, или дуракомъ, или пьянымъ, чтобъ рѣшиться...

БУРСАКОВЪ. Гмъ! пьянымъ (*вспомнивъ*). Ахъ, да! благодарю тебя, дружище, что ты совершенно познакомилъ меня съ гордоновскимъ коньякомъ... Только скажи, какой злой духъ внушилъ тебѣ подарить меня этимъ зельемъ?

ДУШЛЯКОВЪ. А что? я, въ знакъ памяти, хотѣлъ тебѣ, какъ охотнику.

БУРСАКОВЪ (*съ чувствомъ*). Иванъ Мартынычъ! То-то и бѣда! ты меня такъ этимъ коньякомъ разохотилъ, что окончательно погубилъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Что за вздоръ! Ты шутяшь...

БУРСАКОВЪ. Да! ты себѣ думай и смѣйся, какъ хочешь, а Праксагора Ксенофонтовна, хоть и Медуза, а замужемъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Невѣрю! Какой же это простофиля тамъ женился на ней? (*Омльдывался*). Я, признаться откровенно, не очень отличился выборомъ супруги... а ужъ мужъ Праксагоры долженъ быть крайне недаленовидѣнъ.

БУРСАКОВЪ. Гмъ! да ты его знаешь, я думаю...

ДУШЛЯКОВЪ. Неужто? Да кто же этотъ сумасшедшій?

БУРСАКОВЪ (*отчаянно*). Я, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ (*вскочивъ*). Какъ! ты?!

БУРСАКОВЪ. Да! что? поразилъ? то-то же! Я въ одно прескверное утро охотился у бабьяго выгона за утками, да и подстрѣлилъ бабуптицу.

ДУШЛЯКОВЪ (*пораженный*). Мартынъ Иванычъ! Ты, ты женился на Праксагорѣ? Помилуй! Да гдѣ жъ у тебя былъ разсудокъ? Гдѣ были глаза?..

БУРСАКОВЪ. А чортъ знаетъ, канальство! Ты тутъ много виновать. Разсудокъ мой тогда былъ сильно помраченъ твоимъ гордоновскимъ коньякомъ... а глаза мои, когда я выпью, какъ слѣдуетъ, основательно, глаза подергиваются пеленой, въ родѣ куриной слѣпоты.

ДУШЛЯКОВЪ. Чортъ возьми, да какъ это могло случиться, когда ты у насъ считался строгимъ философомъ, чезовѣкомъ холоднымъ, бѣгалъ отъ женщинъ, какъ отъ огня, не совѣтовалъ даже мнѣ жениться, и вдругъ самъ...

БУРСАКОВЪ (*холодно*). Сдѣлалъ глупость фундаментальную! Да, братъ, Праксагора Ксенофонтвна на болотѣ обошла меня, канальство! Заманила, заколдовала и наконецъ за то теперь я увѣрился, что мужчина, со всей своей философией, умомъ и мужествомъ, сущая дрянь передъ женской хитростью.

ДУШЛЯКОВЪ. Ну, и что жъ! какъ ты поживаешь съ нею, а?

БУРСАКОВЪ (*почесывая за ухомъ*). Какъ? да ни што такъ... не то, чтобъ совѣмъ худо, а... какъ кошка съ собакой.

ДУШЛЯКОВЪ (*съ важностью*). Неужели? Это жаль, не хорошо!.. ужъ коли женился, такъ нало жить миролюбиво и согласно...

БУРСАКОВЪ. То есть, такъ какъ ты съ супругою? Нѣтъ, братъ, этакое счастье не всякому дается.

ДУШЛЯКОВЪ (*сконфуженный*). Гмъ... да... разумѣется, не всякому... Но, скажи... зачѣмъ же ты сюда пріѣхалъ?..

БУРСАКОВЪ. Зачѣмъ? да жена притащила сюда. Поѣдемъ, говорить, полно вѣкъ увольняемъ сидѣть! я говорить, хочу тоже побывать въ столицѣ, свѣтъ видѣть. Вотъ притащились сюда, взяли въ гостиницѣ двѣ комнаты, съ прихожей, и тамъ за все про все деруть съ насъ такъ, канальство, что карманъ трещитъ! Видишь, деньжонокъ съ нами всего тыщенки три, такъ я, чтобъ не профершиляться и поѣхалъ тебя отыскивать, знаешь, чтобъ попросить твоего совѣта, какъ прожить здѣсь, такъ, чтобъ послѣ съ Праксагорой не пришлось въ Кострому отправляться по образу пѣшаго хожденія.

ДУШЛЯКОВЪ (*съ живостью*). Другъ! спасибо, что ты вспомнилъ обо мнѣ: я предлагаю тебѣ полное гостепрѣимство! квартира, столъ,

экипажъ, словомъ, все къ твоимъ услугамъ! У меня же кстати мезонинъ еще не занятъ покуда. Я взялъ было за него десять цѣлковыхъ впередъ, но это не бѣда, возвращу деньги, пзвинюсь, и дѣло кончено!.. Ну, пойдѣмъ же, позавтракаемъ, потомъ сейчасъ и переѣзжай ко мнѣ.

БУРСАКОВЪ (*съ чувствомъ*). Иванъ Мартынычъ! ты мой истинный другъ, канальство! При тебѣ, я хоть на время забуду, что у меня есть жена съ чудовищнымъ нравомъ!

ДУШЛЯКОВЪ. Дай Богъ! (*ведетъ его*). Такъ Праксагора твоя значитъ очень зла и вспыльчива.

БУРСАКОВЪ. У! канальство! баба страшная!

ДУШЛЯКОВЪ. Обходитесь съ тобою не хорошо?

БУРСАКОВЪ. У! кабы только не хорошо... такъ ладно-бы... а то, такъ что... Знаешь, баба съ голосомъ и силы дьявольской!

ДУШЛЯКОВЪ. Что-жь? неужели бьетъ тебя?

БУРСАКОВЪ. Охъ, братъ, тяжело мнѣ, канальство! однимъ только оружіемъ и обороняюсь отъ нея, когда начнетъ нацадать.

ДУШЛЯКОВЪ. А чѣмъ? какъ? научи, пожалуйста... чѣмъ?

БУРСАКОВЪ. Чѣмъ? обороняюсь-то? А знаешь, хвачу хорошенько коньячку! это одно спасеніе, какъ тутъ у меня... (*показываетъ на голову*) зайграетъ, канальство, такъ у меня и смѣлооть, и энегрія явятся... Праксагора заоретъ, а я пуще! Она ко мнѣ съ оплеухою, а я, канальство, съ кулаками! Вотъ она и струситъ, и присмирѣетъ.

ДУШЛЯКОВЪ. А! и присмирѣетъ? (*про себя*). Надо мнѣ принять къ свѣдѣнію это средство съ Перепегуей.

БУРСАКОВЪ. Да, она у меня знаетъ, что если я ударю этакъ неосторожно, то вѣдь чисто запибу до смерти! Эхъ! да къ чему тебѣ знать эти подробности, ты вѣдь счастливчикъ, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ. Да... да... счастливчикъ! Пойдемъ-ка, позавтракаемъ хорошенько (*оба уходятъ въ кабинетъ, продолжая разговоры*) И ты говоришь, что если этакъ вышить, такъ и голосъ, и смѣлость появятся?

БУРСАКОВЪ. Да, натурально, канальство! Это у меня дѣло ужъ фактами дознанное... (*въ то время, какъ они уходятъ, является изъ передней Пушкинскій*).

X.

ПУШИНОКІЙ. Гдѣ-же почтенный хозяинъ? Я ужъ совсѣмъ почти переѣхалъ! Славная у меня будетъ квартирка! надо только немного

купить мебели... а то—не ловко: ни сѣсть, ни лечь не на чѣмъ... Надо хоть на время попросить у Ивана Мартыныча какого нибудь дивана, да стараго стулѣна, онъ вѣрно мнѣ не откажетъ! онъ принялъ меня такъ радушно... Но какъ-бы теперь сойтись съ его супругой: она давеча не хотѣла къ намъ выйти; вѣрно г-жа титулярная совѣтница боится показать свои прелести. (*смотря на право*). А! вотъ кто-то выходитъ... У! какая разфранченая фигура! и какъ жеманится...

XI.

ПУШИНСКІЙ и **ДУШЛЯКОВА**, стараясь казаться ловкою и любезною.

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Что это? лицо знакомое! Я гдѣ-то видѣлъ эту карикатурную барыню.

ДУШЛЯКОВА (*будто не видя его*). Мужъ! гдѣ ты? Шеръ Жанъ! венез-пес (*взглянувъ на Пушкинскаго*). Ахъ! кого я вижу! ахъ! какая встрѣча!! (*падаетъ на стулъ*).

ПУШИНСКІЙ (*подбывая къ ней*). Сударыня, вамъ дурно?... какъ! да это Перенетуга Андревна! Это вы! прошу покорно! (*Про себя*) Вотъ именно преглуная встрѣча! Она въ Костромѣ ужасно за мной ухаживала! (*ей*) Неужели это вы?..

ДУШЛЯКОВА (*вздыхая громко и часто*). Ахъ! я... я... Жестокій Вольдерамъ! Ахъ! что привело васъ снова къ моимъ ногамъ! Неужели вы будете вѣчно меня преслѣдовать? Впрочемъ, я прощаю вамъ ваше безумство, потому что тутъ виноватъ больше случай...

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Что она за чепуху городить? (*ей*) Да-съ, я ей-Богу ни сколько не виноватъ... я никогда и не думалъ.

ДУШЛЯКОВА. Ахъ! я вамъ вѣрю! вѣрю! Ассэ-еву... (*онъ садится*). Такъ вы вспомнили меня? узнали? Ну, что-жъ, признайтесь... признайтесь откровенно.

Я измѣнилась? постарѣла?

ПУШИНСКІЙ.

Ахъ нѣтъ, позвольте доложить:

Нисколько (*про себя*) только растолстѣла!

ДУШЛЯКОВА.

Вы льстите мнѣ...

ПУШИНСКІЙ.

Зачѣмъ же льстить?

ДУШЛЯКОВА (*жестанно*).

Ахъ, нѣтъ! я очень измѣнилась...
Вамъ скажетъ и лицо мое.

ПУШИНСКІЙ.

Напротивъ, вы... (*про себя*) учетверилась!
Лицо, какъ глобусъ у нея!

ДУШЛЯКОВА.

Себя здѣсь чувствую я дурно,
Страдаю...

ПУШИНСКІЙ.

Я же, какъ смотрю...
Вы, чудо какъ... (*про себя*) каррикатурна!
(*Ей*). Я вамъ безъ лести говорю.

ДУШЛЯКОВА (*съ чувствомъ*).

Ахъ! вѣрю... и благодарю!

Но, пожалуйста, оставимъ заниматься мною... Скажите мнѣ, Вольдемаръ, гдѣ вы были все это время? (*громко вздыхаетъ*). Ахъ! (*темно вальса на мотивы изъ Лукреціи Борджіа*).

Вы съ нами разстались
И слѣдъ вашъ пропалъ!
Гдѣ были, скитались?

ПУШИНСКІЙ.

Вездѣ побывалъ!
Для знаній полезныхъ,
Забывъ о друзьяхъ,
Въ губернскихъ, уѣздныхъ
Я жилъ городахъ.

ДУШЛЯКОВА.

Вы жили, гуляли,
А мы такъ *жаме*:

Мы очень скучали
Объ васъ въ Костромѣ.
Скучите разлуки
Нѣтъ въ жизни, ей ей!

ПУШИНСКІЙ.

Такъ замужъ со скуки
Вы вышли скорѣй;
Теперь ужъ и дѣти
У васъ быть должны.

ДУШЛЯКОВА.

Нѣтъ! радости эти
Не мнѣ суждены:
Я стражду вседневно душою!
И скоро, конечно, провѣдаютъ всѣ,
Какъ я изнуряюсь тоскою;
А мужъ мой при мнѣ, только такъ, *пуръ-паса!*
Но, ежели, вдругъ по несчастью,
Ко мнѣ обратитъ онъ свой ласковый взоръ,
То это зову я напастью!
Онъ жалокъ! смѣшонъ! се-тро-форъ!

ПУШИНСКІЙ.

Да... не пріятно
Мнѣ страхъ васъ жаль.

ДУШЛЯКОВА.

Такъ вамъ понятна
Моя печаль?
Едва живу я,
Такъ; жизнь грустна!..

ПУШИНСКІЙ (*про себя*).

Перепегуя,
Какъ ты смѣшна!..

ДУШЛЯКОВА (*весело*).

Теперь я въ надеждѣ,
Что друга наша:
Я съ вами, какъ прежде,
Душой ожила! (*съ чувствомъ*)
Живя здѣсь безопасно,
Незнаясь съ людьми,
Останься вѣчно,
Бу-мон-шеръ-ами!

ПУШИНСКІЙ. Ахъ, это для меня будетъ весьма пріятно!... (*про себя*) Она, живя здѣсь, кажется окончательно помѣшалась?... (*ей*) Однако, надо признаться, Перепетуя Андревна, что счастье всегда почти какъ будто нарочно любить подшутить надъ нами! наприимѣръ: два года назадъ, уѣзжая отъ васъ изъ Костромы, я былъ твердо увѣренъ, что ужъ никогда болѣе не встрѣчусь съ вами, и вдругъ, какъ будто нарочно, мы опять вмѣстѣ.

ДУШЛЯКОВА (*громко вздыхая*). Ахъ, Вольдемаръ! Я всегда была и буду той вѣры, что судьба знаетъ что дѣлаетъ! Неспа?

ПУШИНСКІЙ. Да! поневолѣ скажешь теперь эти стихи.

«Какъ жалокъ мнѣ и бѣденъ человекъ:
«Игрушкою ты былъ и будешь цѣлый вѣкъ!»

ДУШЛЯКОВА (*выразительно*). О! сертенеманъ! я... Я васъ понимаю; какой смыслъ вы даете этимъ стихамъ... Ахъ! да что же мнѣ было дѣлать?

ПУШИНСКІЙ (*про себя*). Ну, такъ, у нея слабость вѣчно понимать все наыворотъ! (*Ей*) Нѣтъ-съ, Перепетуя Андревна, я эти стихи сказалъ къ тому, что случай распоряжается нами, право, очень странно: то знакомитъ насъ въ Костромѣ, то вдругъ приводитъ сюда, въ Гончарную улицу! Я нанимаю здѣсь квартиру, плачу вамъ десять цѣлковыхъ, нахожу васъ замужнею женщиной, отъ которой я всегда старался.... (*особо*) быть на благородной дистанціи (*ей*) т. е. старался заслужить....

ДУШЛЯКОВА (*съ энергіей*). Довольно! я вполне понимаю васъ! Ахъ! Вольдемаръ, я не знаю, какъ мнѣ благодарить пряхотливую фортуна пуръ сетъ ранконтръ!.. Сколько отраднхъ воспоминаній теперь воскресло въ моей памяти....

ПУШИНСКИЙ (*про себя*). Ой! ой! она такъ на меня тарашитъ свои сѣрые глаза, что я готовъ захохотать во все горло. (*ей*) Перепетуя Андревна, я конечно готовъ предаваться всякимъ мечтамъ и воспоминаніямъ, но въ настоящее время у меня другое въ головѣ...

ДУШЛЯКОВА (*въ нетерпѣннѣи*). Ахъ! откройте мнѣ ваши идеи! Откройте ваши задушевные мысли...

ПУШИНСКИЙ. Да право, неловко, я не могу рѣшиться...

ДУШЛЯКОВА. Пуръ-куа-донкъ? Неужели вы меня еще не знаете?

ПУШИНСКИЙ (*показывая въ потолокъ*). Вотъ что, нельзя ли туда ко мнѣ послать какой нибудь старый диванъ, дрянной столикъ и стулъ, вѣдь я переѣхалъ къ вамъ такъ, по дорожному, съ однимъ только чемоданомъ...

ДУШЛЯКОВА. О! бѣдный Вольдемаръ! Какъ! вы писатель и нуждаетесь въ самомъ необходимомъ? Этиль-поссибль.

ПУШИНСКИЙ. Помилуйте! да у писателя иначе и быть не можетъ! Въ головѣ много, въ карманахъ ничего, въ компатахъ пусто—и я долженъ быть счастливъ; многіе изъ нашей братіи живутъ только въ надеждѣ на будущее, это главное условіе жизни... а въ настоящее время, хоть бы и перекусить нечего, это намъ ничего! Знаете, привычка—вторая натура!

ДУШЛЯКОВА (*съ участіемъ*). Ахъ! монъ-дье! Берите, берите отъ насъ все, что только вамъ нужно! я ничего не пожалѣю.

ПУШИНСКИЙ. Очень благодаренъ... Но, что скажетъ вашъ супругъ, Иванъ Мартылычъ?

ДУШЛЯКОВА. О! монъ-мари не станетъ мнѣ возражать! я, благодаря Бога, такъ сдумѣла его повести, что онъ не смѣетъ заикнуться, если я что хочу поставить на своемъ. Я сейчасъ же прикажу ему устроить прилично ваше новое жилище. (*Звонитъ въ колокольчикъ*).

XII.

ТѢМЪ и ГОРНИЧНАЯ (*съ запискою выходить изъ кабинета*).

ГОРНИЧНАЯ (*увидя Пушкинскаго*). А! да вы здѣсь, сударь? тѣмъ лучше... Вотъ вамъ записочка отъ барина.

ПУШИНСКИЙ и ДУШЛЯКОВА.

Отъ твоего барина?

Отъ мужа? Пуръ-куа-донкъ?

ГОРНИЧНАЯ. Ничего незнаю-сь. Написали, приказали отдать и продолжают завтракать.

ПУШИНСКИЙ (*барыня*). Позвольте прочесть? У меня съ вашимъ мужемъ секретовъ никакихъ нѣтъ. (*Читаетъ*): «Любезный Владиміръ Андреичъ! если вы дѣйствительно умный человекъ, то вѣрно не обидѣтесь, когда я самъ объявлю, что жить вамъ у меня нельзя, потому что эту квартиру я отдаю даромъ моему пріѣзжему другу изъ Костромы. Слѣдственно извольте получить назадъ ваши 10 цѣлковыхъ, и простите всегда васъ любящаго и готоваго къ услугамъ Ивана Душлякова.» (*Прочитавъ, смотритъ на Перепетуя Андревну*).

ДУШЛЯКОВА (*съ гнѣвомъ*). Какъ! что, и онъ смѣетъ?... О, сіель!! Да онъ, кажется, съ ума сошелъ! отказывать вамъ... Извините, мнѣ стыдно за него... *Же-сюи-бьень-пене*, (*Горничной*) Позови его ко мнѣ.

ГОРНИЧНАЯ. Нѣтъ-сь, барыня, они теперь такъ изволятъ угощаться съ пріятелемъ, такъ отвѣдали чего-то крѣпкаго, что я не посмѣю и слова имъ сказать.

ДУШЛЯКОВА. Скажи ему, что я требую его сюда, слышишь? Онъ не посмѣетъ меня послушаться? (*Горничная уходитъ*) Извините насъ, Владиміръ Андреичъ, мнѣ такъ совѣстно и за себя и за него, право! кто могъ ожидать?... *Же-сюи-бьень-пене!* Но онъ будетъ раскаяваться!

ПУШИНСКИЙ. Перепетуя Андревна, вы успокойтесь... Конечно, вашъ супругъ взявъ деньги впередъ, по настоящему не имѣетъ никакого права... но, впрочемъ, если онъ такъ учтиво выгоняетъ меня, то почему же мнѣ и не отретироваться?..

ДУШЛЯКОВА. Помилуйте! Да что же вы объ насъ подумаете? Я такъ рада, что снова встрѣтила васъ, васъ, моего добраго, лучшаго друга, и вдругъ... Нѣтъ! это невозможно! Я вамъ клянусь моею честію, что вы, Вольдемаръ, будете жить у насъ, а старыи другъ моего мужа отправится вонъ отсюда! Это рѣшено!

ПУШИНСКИЙ. Но, позвольте... А если вашъ мужъ разсердится?

ДУШЛЯКОВА. Нѣтъ, не смѣетъ; вы его совсѣмъ не знаете; я его сейчасъ такъ отдѣлаю за этотъ невѣжливый поступокъ съ вами, что онъ у васъ и у меня будетъ просить прощенія. (*Кричитъ*) Мужъ! мужъ!

ПУШИНСКИЙ (*про себя*). Какъ она рескудакталась! (*ей*) Такъ позвольте мнѣ пока сѣздить въ редакцію одного журнала, я скоро возвращусь...

ДУШЛЯКОВА. Повъзжайте, мой добрый Вольдемаръ! Но я вамъ даю вѣрное обѣщаніе, что вы будете жить въ нашемъ домѣ! (*протягивая ему руку*). Жеву-доннѣ-ма-пароль-доннѣръ!!

ПУШИНСКІЙ. О! въ такомъ случаѣ, до пріятнаго свиданія! (*уходитъ*).

ДУШЛЯКОВА (*вслухъ*). Ахъ! какой видный, пріятный, какой, можно сказать, основательный, фундаментальный мужчина! О! я за него такъ отдѣлаю моего жалкаго муженька, какъ онъ и не воображаетъ! (*Снова кричитъ*). Мужъ! (*топнувъ ногою*) Иванъ Мартынычъ!

ХІІІ.

ТѢ ЖЕ, ГОРНИЧНАЯ и потомъ ДУШЛЯКОВЪ.

ГОРНИЧНАЯ (*пробѣгая мимо барыни*). Нѣтъ, сударыня, дѣло не ладно, лучше мнѣ уйти отсюда... (*уходитъ въ переднюю*).

ДУШЛЯКОВА. Пурь-буа-донкъ?! Аграфена! Грушка! Постой! куда ты, дура, бѣжишь? гдѣ мужъ? О! такъ постой-же, я ему покажу себя (*идетъ къ кабинету*).

ДУШЛЯКОВЪ (*выходитъ нѣсколько хмѣльной, во взглядъ и движеніяхъ его замѣтны самоувѣренность и молодечество*). Тихе, тихе, ты, безумная баба! Что ты такъ горлышко-тѣ распустила, а? смотри у меня (*грозитъ, потомъ подбоченивается*).

ДУШЛЯКОВА (*очень удивленная*). Что это?! Ахъ, какой монстръ!

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Перепетуя! Смотри, я тебя...

ДУШЛЯКОВА. Какъ! что эта за новости? Ты мнѣ смѣешь грозить?

ДУШЛЯКОВЪ (*грозно*). Смѣю! я буду смѣть отнынѣ навсегда! Смирно! глупая толстуха! (*топаетъ сильно*) Теперь, братъ, я не тотъ! теперь я тебя такъ распеку, волубушка, что ты у меня прикусишь язычекъ и будешь чѣше воды, ниже травы.

ДУШЛЯКОВА. О сѣль!!

ДУШЛЯКОВЪ. Молчать! тысячу разъ молчать!!

ДУШЛЯКОВА (*съ крикомъ*). Никогда.

ДУШЛЯКОВЪ. Всегда! или смерть твоя неизбежна!! Ага! вонъ оно куда пошло! чортъ-передери, чтобъ я теперь далъ надъ собою командовать какой-то бабенкѣ, Перепетуѣ?.. У! ни за тысячу пряниковъ! брр! Что ты такое на семь свѣтъ, а? Я мужъ! человекъ, мужчина, во всемъ обширномъ значеніи этого слова... вонъ оно куда пошло! а ты что такое? ты вѣдь только жена моя, ни что иное, какъ

только какая-то женщина (*обращаясь къ кабинету, который на-
стежь растворенъ*). Не правда-ли, Мартынъ Иваннычъ? (*Громкій го-
лосъ Бурсакова*). Правда, канальство! правда!

ДУШЛЯКОВЪ (*жень*). Слышишь, это также голосъ чело-
вѣка и мужа, въ полномъ значеніи слова! Онъ воодушевилъ меня.

ДУШЛЯКОВА. Это ужасно! я его не узнаю, онъ совсѣмъ пере-
мѣнился: его слова, его дерзкій взглядъ пугаютъ меня!.. (*ему громко*).
Иванъ Мартынычъ?

ДУШЛЯКОВЪ (*также*). Ни слова!

ДУШЛЯКОВА. Вы забываетесь!

ДУШЛЯКОВЪ. Ни полслова!

ДУШЛЯКОВА. Пермете!..

ДУШЛЯКОВЪ (*грозою*). Те-туа... мадамъ!! (*топаетъ ногою*) Что,
ты меня грозилась отдѣлать, ты смѣла трактовать меня какимъ-то жал-
кимъ мужемъ? ты хотѣла заставить меня просить прощенія въ томъ,
что я отказалъ твоему прежнему Вольдемару (*въ эту минуту Пере-
летуня дѣлаетъ движеніе*) ахъ ты, преступная женщина! ахъ, ты эк-
сцентрическая блюмеристка! Я вѣдь съ моимъ другомъ Мартыномъ почти
все слышалъ оттуда, какъ ты здѣсь разсыпалась передъ прежнимъ кур-
тизаномъ (*она хочетъ возражать, онъ ее не допускаетъ*) Молчать!
Какъ ты смѣла подумать, что я допущу тебя до такихъ преступныхъ
склонностей? А? Если у насъ есть мужья-кошпаки, то знай, что я ско-
рѣе умру, чѣмъ соглашусь принять на себя это отвратительное назва-
ніе! (*постепенно разгорячался*) Да скорѣе твой глупый чепчикъ ук-
расится кривообразнымъ рогомъ изобилія, потому что я мужчина, въ
полномъ смыслѣ слова! Вотъ оно куда пошло! Если я сдѣлалъ глупость,
женился на тебѣ, такъ ужъ я не остановлюсь на одной этой глупости:
я пойду дальше! Да! отнынѣ (*по твоей милости*), во мнѣ проявилась
новая страсть, подъ названіемъ коньякоманіи, хоть съ одной стороны это
крѣпко не хорошо, но, съ другой за то и полезно для моей личности.
Коньяколюбіе будетъ поддерживать мой характеръ, мою энергію... (*она
 снова хочетъ говорить*) Молчать! тысячу разъ молча-ать!! иначе,
если я теперь убью васъ, то можетъ выйти для васъ очень неприятная
исторія (*треплетъ на себя волосы*). Брр!.. при теперешнемъ мо-
емъ одушевленіи это такъ для меня легко сдѣлать, какъ выпить рюм-
ку коньяку! И такъ, Пере-це-ту-юшка, отнынѣ ты будешь ну-
лемъ, а я... я настоящею единицей! (*оборачиваясь къ кабинету*) Такъ
ли, Мартынъ Иваннычъ? (*Голосъ Бурсакова*). Такъ, Иванъ Мартынычъ!
важно, канальство?

ДУШЛЯКОВЪ (женъ). Слышишь? этотъ громовой голосъ рѣшилъ твою судьбу! Что, что, не ожидала? Поражена? Бойшься моего убійственнаго взгляда? то-тоже!

«Такъ страшень мощный левъ трусливому звѣрьку,

«Какъ страшень я теперь, хлѣбнувши коньяку!

И если ты теперь чувствуешь передо мной свое ничтожество, я, такъ и быть, позволю тебѣ открыть эти чувства. Ну, что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

ДУШЛЯКОВА. (На тему изъ Эрнани).

Ахъ! какъ же это можно,

Чтобъ мужъ жену такъ обижалъ?

За что ты такъ безбожно

Вдругъ на меня напалъ?

Чѣмъ я все это заслужила?

Клянусь, что я чиста душой!

Ахъ! я всегда тебя любила!

Да! да!

Клянусь тебѣ, другъ мой!

ДУШЛЯКОВЪ (на тему русской пѣсни).

Ты поди, моя коровушка, домой,

Ты поди-ка, моя женушка, не пой..

(Про себя самодовольно)

Вотъ что значить, коньяку-то выпилъ я...

Ахъ! ти-ли-ли, калинка моя!

ДУШЛЯКОВА (изъ Лучи: fга росо)

Иванъ Мартынычъ, что съ тобой?

О, съель ты страшень — самъ не свой!

Клянусь, душа моя,

Что предъ тобой невинна я!

Да! да! невинна я!

ДУШЛЯКОВЪ (на тему пѣсни: «Какъ у нашихъ воротъ»).

Если мнѣ жена солжетъ

Шуры-муры заведетъ,

Такъ трехъ дней не проживеть!
Мужъ жену въ дугу согнетъ!

ДУШЛЯКОВА (*испугавшись, поетъ на тему изъ Гвельфовъ и Гебелиновъ*).

Ай, ай! какія страсти!
Клянусь быть вѣрною всегда!
Изъ-подъ твоей невылду власти,
Повѣрь, мой милый, никогда!
Твоя жена на мигъ забылась,
Но, честь ея не помрачилась!
Неужасай меня!
Смотри, какъ я
Въ раскаяньи прошу, ты видишь по слезамъ...
И даже падаю къ твоимъ ногамъ..

ДУШЛЯКОВЪ. Ага!.. (*стоитъ предъ нею въ угрожающей позѣ*).
(*На русскую тему*).

Во полѣ березанька стояла,
А жена мнѣ въ ноги здѣсь унала!
Ай-люли, люли, люли, упала!
Такъ я буду грозень ежедневно,
А Перепегуя-то Андревна
Трепещи телѣсно и душевно! (*поднимаетъ ее*).

XIV.

ТѢ ЖЕ П БУРСАКОВЪ, ПОТОМЪ ПУШЯНСКІЙ.

БУРСАКОВЪ (*на ту же тему*).

Славно Ваня! Ты герой, канальство!

ДУШЛЯКОВЪ.

Да! теперь, жена силансь, канальство!
(*Рекомендуя женѣ Бурсакова*).

Вотъ, мой другъ, философъ съ головою,
Здѣсь онъ будетъ жить съ своей женою...

ДУШЛЯКОВА (*ласково*).

Аншанте... я рада всей душою.

(*Входит Пушкинскій*).

ДУШЛЯКОВЪ.

- Ахъ, вы здѣсь? Прошу васъ не сердиться,
Но у насъ нельзя вамъ поселиться...

ПУШИНСКІЙ.

Да, я вижу, надо удалиться...

(*На тему: «Ай Дунай»*).

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Такъ теперь мы вчетверомъ
О другомъ ужъ запоемъ:

(*Публикъ*).

Просямъ автора простить
Да и насъ не осудить.